

К 70-летию со дня рождения
С. В. МИХАЛКОВА

ЗАВЕРШАЛ работу V съезд писателей РСФСР. С. В. Михалков, обращаясь к вновь избранным членам правления и ре-визионной комиссии, сказал: «И прошу вас с первых же дней новой творческой пятiletки поверить сердцем и умом в то, что всегда имеет смысл занимать достойную литературного братства активную жизненную позицию и верить, что вы будете вознаграждены общественным признанием, далеким от обывательского отношения к делам и заботам литературного цеха, далеким от разрушения вкуса к этим делам и заботам». Многолетний опыт давно убедил Сергея Владимировича: истина у того, кто уверенно смотрит вперед. Именно этим объясняется его потребность прививать талантливым литераторам вкус к общественной деятельности, выделяя в качестве ведущей мысль о беззаветном служении прежде всего Детству. И не потому, что эта мысль заслонила по признаку первой и главной любви (литература для детей) все остальное, а потому, что «детским писателем надо родиться», и уже это руководит твоею судьбой и ставит все формы твоей деятельности в зависимость от отношения к Детству — определяющей порою человеческой жизни.

Энергия души

Мы хорошо знаем: поэты и прозаики, драматурги и публицисты, критики и литературоведы поверяются рядом со своим читателем и зрителем. Это участники живого процесса творчества, живого литературного процесса. По-разному складываются взаимоотношения читателей и писателей. Но известную формулу — каждый писатель достоин своего читателя — можно принимать всерьез.

Творчество Михалкова развивалось и развивается параллельными потоками. Пафос его поэзии и драматургии, публицистики и сатиры для детей и взрослых всегда раскрывается в свете того исторического момента, когда те или иные произведения рождаются: пятилетки, война, восстановление народного хозяйства, создание материально-технической базы развитого социализма и коммунизма, борьба за мир и разрядку... «Параллелизм» в развитии творческих пристрастий Михалкова делает лишней какую-либо периодизацию его творчества. Он всегда шел в ногу с временем, дышал его историческим воздухом. И даже его лирика «закондована» в кругу общественных переживаний советской эпохи — как у Владимира Маяковского или, скажем, у Николая Тихонова и Александра Твардовского. Творческая жизнь С. В. Михалкова в своих узловых моментах счастливо совпала с этапами социалистического строительства, с трудом народа и партии; эта жизнь и легла в основу его литературы и справедливо выдвинула С. В. Михалкова в руководящие органы Союзов писателей СССР и РСФСР.

Среди многих способностей, которыми должны обладать руководители любого творческого союза, важнейшей является способность возглавить коллектив.

Главное умение, которым председатель правления Союза писателей РСФСР владеет, может быть, безупречно, — умение взаимодействовать с многоликой писательской братией, с деятелями культуры вообще. Боязнь писательской среды, неумение работать в ней и с ней выбивает почву из-под ног. Когда не умеешь работать с коллегой, скажем, по литературному делу, поневоле прибегаешь к «разговорному жанру». А этого писателя, деятеля культуры не прощают никому.

Возникают сотни вопросов. Надо отвечать на них, замечая основное. Михалков обычно отвечает, ведь его взаимоотношения с людьми наполнены живой жизнью, а «все остальное» подсказывают талант и опыт.

Конкретнее сказать трудно: если бы на все вопросы такого порядка можно было дать точный ответ, то руководящая работа, в том числе в творческих

САЛЮТ!

Владимир АЛЕКСАНДРОВ

организациях, не была бы искусством.

И все же каковы приметы этого искусства, когда говоришь о С. В. Михалкове?

Здесь никак не обойти его демократизм и прямоту, решительность и простоту.

Никто не должен жить, работать, общаться с товарищами в сознании своей исключительности. Как бы высоко кто-то ни был оценен, считает Михалков, он сам никогда не имеет права об этом напоминать, настаивать на своей уникальности.

В книге «Делать фильм» Ф. Феллини пишет:

«Даже распространенная фраза: «А ты кто такой? Ты же никто!» — звучит ободряюще: ведь в ней не только пренебрежение, в ней еще какое-то раскрепощение. Ты — никто, значит, можешь быть кем угодно. Еще ничего не потеряно. Можно начать с нуля».

Примерно так же высока и обнадеживающая степень **непредубежденности** Михалкова в отношениях практически с каждым, в том числе с незнакомым человеком, ищущим его сочувствия, содействия, понимания и т. п. в самых разнообразных вопросах — от бытовых до творческих. А если помочь и нельзя, Михалков непременно ободрит, не прибегая к «классическому» «А ты кто такой?» даже мысленно.

Михалков — истинно современный оптимист.

Что это значит?

Какими бы сложными ни были вопросы или проблематика, требующие иной раз какой-то корректировки собственных представлений, знаний, пристрастий от всех, кто причастен к их решению, Михалков не позволяет себе ставить окружающих в положение, когда они в чем-то должны измениться первыми. Он спокойно начинает с себя, он обязательно идет навстречу, обычно первым. Это даже в самых непростых ситуациях создает атмосферу доброжелательности, конструктивности и веры в конечный успех. Во многом в силу именно таких черт характера Михалкову сопутствует удача.

Дух студиозности

Вокруг людей, которым сопутствует успех, как правило, должен царить дух оптимизма. Хотя бы потому, что к ним тянется молодежь... И это в наши дни нетрудно «проверить».

Заглянем, например, в зал Московского молодежного театра-студии на Красной Пресне. Зал заполнили студийцы — ребята 8—18 лет, человек сто, не меньше. И вот они все разом встают, вскидывают согнутую в локте руку, и звучит радостное, стройное, стоутое «Салют!» — традиционное приветствие студийцев. Ребята приветствуют Сергея Владимировича Михалкова. Он пришел сегодня посмотреть и обсудить с молодыми людьми — исполнителями и зрителями — свой новый спектакль — современный политический памфлет, изобретательно поставленный в форме... дискотеки.

Молодежи с Михалковым хорошо, ему с молодежью, видимо, еще лучше. Личность этого человека — живого классика детской литературы и басни, энергичного общественного деятеля и педагога — удивительно подходит самой атмосфере студиозности, ее открытости и тайнственности, ее активному творческому духу. Ведь Михалков отстаивает принципы дружной коллективной творческой работы самими стилями своей жизни; он не боится быть непонятым, презирает «безразмерные» самолеты, бия, не чванится, не напускает тумана, не пугает недоступностью.

Заразительное обаяние Михалкова, его удивительная контактность с молодежью, когда душевные движения автора пьесы вызывают отклик в душах самых разных ребят, — все это «возносит» драматурга на высоту и полноценного, и желанного ребячьего собеседника.

В творческом общении дух студиозности заменить нечем. Как и дружбу. Правда, на это затрачиваются самые сокровенные силы и способности...

Знают ли это дети и юноши, будущие оптимисты и скептики, будущие альтруисты и эгоисты? Как по-разному слушают они писателя! Некоторым пора бы знать.

...Кажется, не прибегая к преувеличениям

«Михалкова знают все» — пожалуй, уже лет сорок в этой фразе нет ничего чрезмерного. В чем здесь дело?

Творческая индивидуальность Сергея Владимировича Михалкова, его традиции в отечественной литературе (и не только в детской!) — это чисто русский народный лиризм, эпический размах, острый и добрый юмор.

Мы немедленно узнаем его стихотворения и басни потому, что, показывая завидные возможности современного ума, воображения, они пронизаны фольклорными интонациями народной речи.

Мы почти немедленно узнаем его драматургию, особенно сатирическую, потому что, «раскапы-

вая» художественно атакуемые явления, она всегда злободневна и социально точна.

Мы не можем не узнавать его публицистику по вопросам воспитания потому, что она подчунена мощной истине — «Все начинается с детства», сформулированной писателем с максимализмом народной мудрости.

Мы знаем, движение истории — это движение литературы. Но мы знаем также, что литература не всегда поспевает за историей. Творческая деятельность Михалкова — одна из существенных попыток художника успеть за историей своего поколения, используя многие литературные виды, и прежде всего поэму, стихотворение, басню, сказку; гимн, песню, эпитафию, эпиграмму; комедию.

Память человека, опыт человека, отдаваясь от каких-то событий, равно как и ожидая их, обнаруживает иногда непостижимую избирательность, предопределяя удачу в том или ином сложнейшем художественном поиске. Михалкову доводилось переживать неповторимые творческие мгновения. Это, конечно же, период работы над текстом Государственного Гимна Союза ССР (совместно с Г. Эль-Регистаном), о чем Сергей Владимирович уже писал, и его участие в создании эпитафии, высеченной на могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Об этом известно меньше.

Четырех писателей — капитана Михаила Луконина, полковников Сергея Михалкова, Константина Симонова и Сергея Сергеевича Смирнова — пригласили в Московский городской комитет партии. С. С. Смирнов вспоминал:

«Мы долго советовались, предлагая, обсуждая и отвергая различные варианты, вспоминали лучшие подписи, наертанные на памятниках в нашей стране и за рубежом. Наконец остановились на тексте, который предложил С. В. Михалков: «Имя его неизвестно, подвиг его бессмертен». В общем обсуждении эти слова были одобрены и приняты лишь с небольшой поправкой».

Окончательный текст — «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

В очередное ответственное мгновение своей жизни — выбор единственной мемориальной строки — С. В. Михалкову вновь удалось пережить момент художественного «озарения», который, как и в период создания Гимна СССР, снова принял форму напряженного, целенаправленного поиска; и Михалков оказался готов к нему.

Универсальность С. В. Михалкова — не всеядность, а широкий кругозор и острый ум современника. В каком бы виде литературы он ни работал, мы, кажется, не прибегая к преувеличениям, непременно отыщем вещи, которые стали вершинами не только для самого Михалкова, но без упоминания которых не обойдешься, говоря о достижениях советской литературы вообще. Доказательная художественная универсальность Михалкова удивительно выявляет цельность его писательского взгляда на жизнь.

«Предпочитая с двух концов гореть...»

Литературная судьба С. В. Михалкова складывается так, что, часто вступая в полемику по вопросам литературы для детей и сатиры, отвечая при этом на непонимание обывателей от литературы и искусства довольно резкими ответами, защищая талантливых товарищей и их произведения от поспешных «выводов», сам он почему-то производит впечатление человека неуязвимого...

Подсчитано: в 1982 году, на пороге своего 70-летия, предсе-

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ

датель правления Союза писателей РСФСР тридцать восемь раз поднимался в воздух; это чаще, чем раз в десять дней; а были еще и поезда... Михалков — служитель живого дела, и это ощущают даже люди, далекие от литературы и общественных забот. Хорошо бы только, чтобы и сам Сергей Владимирович, и его коллеги по литературно-общественным заботам проводили четкую грань между михалковской простотой и михалковской доступностью. Недаром же говорят: если прямо впускает доверие, то доступность рождает вседозволенность. Доступность нередко вынуждает Михалкова нести бремя чужой деловой лени, безынициативности, иждивенчества. Это тяжелый хлеб. Без самоиронии его не всегда и «прожухешь».

Мы часто по-пустому мельтеши́м,
Все принимаем к сердцу: то и это...
И ни к чему потом уже режим,
Совет врачей и строгая диета.
Предпочитая с двух концов гореть
От совещанья и до заседанья,
На сонмы звезд — привыкли мы смотреть,
Не вдумываясь в тайны мирозданья.
Мы разучились мигом дорожить —
И радостным, и горьким, и печальным.
Мы очень часто даже слово «жить»
Воспринимаем в смысле аморальном...

Когда говоришь о Михалкове, литераторе и человеке, хорошо понимаешь, что имел в виду М. М. Бахтин, писавший:

«...больше всего мы ощущаем его (автора. — В. А.) присутствие в форме. Литературоведение обычно ищет его в выделенном из целого содержании, которое легко позволяет отождествить его с автором — человеком определенной биографии и определенного мировоззрения».

Какого бы рода общественной деятельностью Михалков ни занимался, в каком бы виде литературы ни работал, он всегда настоящий. Это знают все, кто с ним сталкивается, даже маленькие дети. Поэтому так идет Сергею Владимировичу молодое бодрое приветствие «Салют!».

Каждый имеет право...

Выступая осенью прошлого года на международных литературных днях «Интерлит-82» и писательском конгрессе в Кельне (ФРГ), С. В. Михалков, в частности, вспоминал Холдена Колфилда — героя романа Сэлинджера «Над пропастью во ржи», сказал:

«Холден говорит о своем главном желании, о своей миссии на земле. Он представлял себе, как мальчишки и девочки играют вечером в большом поле, во ржи. И он стоит на самом краю этого поля, над обрывком в пропасть. И его дело — ловить ребят, беспечных и трогательных, ловить их на краю пропасти, чтобы они не сорвались туда, не упали в бездну.

Сберечь ребят над пропастью во ржи — такой я вижу и миссию мировой литературы».

Каждый имеет право писать и жить так, как если бы он стоял один над этой пропастью и именно от него зависело бы спасение играющих ребят, счастливых уже одним своим существованием на этом белом свете...

Сергей Владимирович Михалков всю свою творческую жизнь пользуется этим правом человека и художника.